

УДК 37

DOI: 10.34670/AR.2022.60.91.084

Аналитический путь познания взаимоотношений грамматики и лексики в системе языка

Абдукадырова Тумиша Таштиевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра немецкого языка,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
364034, Российская Федерация, Грозный, Грозный, ул. А. Шерипова, 32;
e-mail: tumischa-uni@mail.ru

Мочигова Амина Руслановна

Магистрант,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
364034, Российская Федерация, Грозный, Грозный, ул. А. Шерипова, 32;
e-mail: tumischa-uni@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из актуальных проблем взаимоотношений грамматики и лексики в системе языка. Важность данной статьи обусловлена тем, что дифференциация грамматики и лексики не есть самоцель. Основной задачей их дифференциации является выяснение комбинаторики лексического и грамматического в разноуровневых языковых единицах парадигматики и синтагматики, их сочетательных потенциалов и регулярности реализации этих потенциалов, а также факторов, блокирующих комбинаторные версии. Тем самым важно установить, как статически и динамически грамматическое дано в лексическом и как лексическое существует в грамматических закономерностях. Авторы приходят к выводу о том, что понятие «сопротивления» лексики синтаксису имеет в большой мере условный характер.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдукадырова Т.Т., Мочигова А.Р. Аналитический путь познания взаимоотношений грамматики и лексики в системе языка // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 3А. С. 345-353. DOI: 10.34670/AR.2022.60.91.084

Ключевые слова

Грамматика, лексика, интенция, дифференциация, парадигматика, синтагматика, синтаксис, реляционность, фреймы, лексемы.

Введение

Закрепившееся в лингвистике вычленение из языка лексики и грамматики имеет семиотические основания и обусловлено исследовательскими потребностями, ибо аналитическое разложение – обычный этап при рассмотрении сложных объектов, в том числе и языка, ведущий через характеризацию компонентов и их взаимоотношений к познанию объекта в его целостности.

Этот путь познания находит широкое применение в различных лингвистических направлениях. К ним относятся, во-первых, разработки, связанные с дальнейшими изысканиями при построении языковой системы с ее традиционных разделений фонетического, лексического, грамматического аспектов языка. Во-вторых, разработки, устремленные к группировке разноаспектных средств языка, согласно их принадлежности, к одинаковым функционально-семантическим полям, их потенциам в выражении однопорядковых «узуальных смыслов». В-третьих, разработки, являющиеся изучением языка в его речевых произведениях.

Основная часть

Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что при функциональном подходе к языку перед исследователем открывается область реального неразграничения лексического и синтаксического» [Арутюнова, 2003, 234].

Известно также, что синтаксис сейчас нередко определяется глобально как грамматическое учение о связной речи, в которой, естественно, «задействованы» различные языковые средства. Думается, что подобная трактовка синтаксиса обусловлена не отказом от дифференциации лексики и грамматики, а скорее тем, что в центре внимания синтаксиса находится предложение (высказывание), с которого начинается языковое общение, речевой обмен информацией и которое, таким образом, занимает среди языковых единиц более высокий иерархический уровень, чем, например, слово, трактуемое в лексикологии или морфологии.

Для лингвиста важно не только то, что сообщается/воспринимается в речевом акте, при каких условиях и с какой целью, но и с помощью каких языковых средств это происходит, как включаются в высказывание носители лексико-и грамматико-семантических множителей, как выбор конкретных языковых средств данного языка сопряжен с тем или иным видом речи, наконец, насколько идентичен диапазон языковых средств реализации некой понятийно-семантической области, находящийся в распоряжении говорящего.

Следует отметить, что «учение о связной речи» причисляется лингвистами не к лексикологии, а к грамматической науке. Это имеет место, очевидно, потому что в данном случае ставится цель выделить в строении высказывания те обобщенные черты, которые обычно соотносятся с грамматикой.

Утверждению о нерелевантности разделения лексики и синтаксиса при функциональном подходе к языку можно противопоставить предостережение Е.С. Кубряковой о нецелесообразности приравнивания функциональной грамматики к общей модели функционирования естественного языка [Кубрякова, 2008, 18]. Здесь также уместна мысль, отстаиваемая В.Г. Адмони, о том, что полное изучение текста должно стать уделом комплексной науки будущего – «текстоведения» [Адмони, 1988, 124].

В качестве одного из специальных предметов рассмотрения можно выделить сферу явлений, которая была в свое время обобщена и условно названа В.Н. Ярцевой «противодействием

лексики по отношению к грамматике», «сопротивлением лексики унифицирующему и нивелирующему воздействию грамматики» [Ярцева, 1978, 46].

Одним из исходных для рассуждений В.Н. Ярцевой по данному поводу является тезис об «унифицирующем и нивелирующем отношении грамматики и лексики», разделяемый ею со многими другими исследователями. Он базируется, очевидно, на различиях в характере семантических абстракций, запечатлеваемых в лексическом и в грамматическом значении [там же, 51].

В общем виде это различие допустимо определить следующим образом. Лексическая семантика, приобщая знаменательным словам как элементам лексикона, заключается в номинации отдельных дискретных сущностей, их классов и членов классов, которыми оперирует человеческое сознание, выделяя их и комплексы окружающей действительности, материального и идеального мира.

Грамматическая же семантика по своей природе рациональна. Она заключается в выражении (совмещено с лексической номинацией) различных видов отношений – отражательных, интерпретирующих, коммуникативных (ср.: кроме того, грамматические величины с собственно внутриязыковой значимостью, как, например, категория грамматического рода). Реляционность грамматической семантики проявляется и в том, что грамматические группировки слов по частям речи соответствуют в своих основных рубриках не вещественному типу именуемых денотатов, а способу их понятийно-языкового отображения.

Синтактико-семантическую реляционность демонстрирует известный пример Л.В. Щербы с «глокой куздрой», репрезентирующий фреймы неких ситуаций, но не несущий подлинной информации из-за фиктивности лексико-номинативной стороны. Под этим углом зрения Л.В. Щерба характеризовал грамматику как типовое, а лексику – как единичное – «единичное в разнообразии множества» [Щерба, 1974, 56].

С тех же позиций его последователи Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева писали, что в принципе «смысл грамматического строя заключается в полном отвлечении от того лексического материала, который он организует», хотя в языковой реальности этот принцип осуществляется лишь частично [Зиндер, Строева, 1989, 68].

Действительно, каждая грамматическая закономерность охватывает большие пласты лексики и потому является относительно «унифицирующей и нивелирующей». Тот объем лексики, на который распространяется данная грамматическая закономерность, составляет сфере фактического существования в конкретном языке, ее собственный экстенционал. Идея так называемого сопротивления лексики грамматической унификации апеллирует по сути дела к сравнению: у некоторой части лексики, обладающей фундаментальным грамматическим сходством, имеются наряду с этим и различия в соотношении с грамматическими формами, грамматическими значениями или с тем другим. Толкование этих различий, квалификация их как «сопротивлений» в большой мере зависит от понимания исследователями положения об асимметрии формы и содержания применительно к грамматике.

Разумеется, комбинаторные ситуации тут различны для морфологических и синтаксических единиц различны уже в силу их разноуровневости. Кроме того, не вполне одинаковым образом в разное время формировались главные операционные понятия для этих аспектов языка, поэтому целесообразно обсуждать вопрос о «лексических сопротивлениях» им раздельно.

Достаточно убедительно выделяются «сопротивления» лексики морфологии в экспонентном плане, когда вектор интерпретации и изъяснения соотношения «форма –

содержание» обращен к подвижности первого компонента соотношения, а второй принимается за некую константу.

Основной вид такого «сопротивления»: тождественное функционально-семантическое содержание в сфере морфологической категории выражается у разных лексем данного грамматического класса при помощи неодинаковых словоизменительных показателей, делается закономерный вывод о синонимии последних. Число синонимических формативов невелико, так что различимо и небольшое количество главных словоизменительных типов для лексем грамматического класса, каждый из которых распространяется на большую группу слов. Выбор конкретного словоизменительного форманта не обусловлен в современном состоянии языка лексической семантикой слова и, как правило, не имеет и другой регулярной обусловленности, а составляет часть индивидуальной (правда, варьируемой в ограниченных пределах) грамматической характеристики каждой лексемы и помечается в словаре. Это положение дел справедливо объясняется как результат проходившей в истории языка, но незавершившейся для плана выражения и замершей грамматической «нивелировки». Оно отражается в семантически не мотивированном сосуществовании различных типов спряжения глаголов, склонения существительных, образования форм степеней сравнения прилагательных и т.д.

Наблюдаются синхронические отклонения от закреплённости лексем параллельных форм одного грамматического разряда. Так, приведем примеры из немецкого языка: *wandte/wendete*, *sog/saugte*, *worden/geworden*, *Verba/Verben*, *Kerle/Kerls*, *(des) Nachbarn / (des) Nachbars*, *nässer/nasser*, *minder/weniger* и т.д.

Подобный параллелизм возникает большей частью, когда старая форма еще не полностью вытесняется новой, более отвечающей количественно доминирующим в синхронии экспонентным типам словоизменения. Соотношение форм может быть нейтральным (*wandte/wendete*) или маркированным стилистически (*Kerls* – в обиходно-разговорной речи) либо функционально (*worden* – в форме пассива, *geworden* – при иных функциях глагола *werden*). Прочие случаи экспонентной неунифицированности лексем в морфологии менее объемны. Можно указать, например, на русские существительные иностранного происхождения, вроде *пальто*, *бюро*, *кенгуру*, *какаду* и т.п., которые, хотя и входят в основной состав лексики русского языка, не получают словоизменительных флексий и тем отличаются от большинства существительных; известны возможности опосредованного выражения их падежных, числовых, родовых разрядов в синтаксических образованиях через флексии согласуемых атрибутов и предикатов.

Сложнее обстоит дело с толкованием «сопротивлений» лексики стороне морфологических категорий и их разрядов. Такое «сопротивление» усматривается, например, в существительных вещественных и абстрактных, которые считаются представленными только одним разрядом категории числа, в относительных прилагательных, не употребительных в формах компаратива и суперлатива, в неполных личных парадигмах некоторых глагольных лексем (в частности, событийных глаголов *stattfinden*, *geschehen*, происходить, случаться и других, фигурирующих только в разряде третьего лица), в ограниченности реализации числовых парадигм ряда глаголов (они обозначают совместные групповые действия: *sich versammeln*, *sich häufen* – *сбежаться*, *сгруппироваться*).

Эти «сопротивления» интерпретируются как семантически мотивированные и возводятся к несовместимости лексических значений слов и грамматических значений соответствующих морфологических форм.

Случаи, когда лексема все же выступает в «неподходящей» для нее морфологической форме, оцениваются как «прорывы сопротивления» с довольно неопределенными ссылками на семантическую модификацию лексем или «приращение смысла», используемые в художественной литературе с экспрессивной целью. Хотя подобные оценки сопровождаются констатацией интересных со стилистической точки зрения примеров, все же объяснения данного рода не кажутся во всем удовлетворительными. Причина их неадекватности заключается в том, что не всегда, так сказать, срабатывает сопряжение между грамматическим значением за определенными морфологическими формами и функционированием морфологических форм как носителей постоянных грамматических значений. Такой постулат заложен в большинстве общих дефиниций грамматических (морфологических) категорий, предлагаемых в весьма авторитетных лингвистических трудах, к сожалению, без комментариев о мере и характере допускаемых при этом редуций.

Объективная способность морфологических форм – экспонентов с определенными внешними показателями к полисемии, которая не может не быть замечена, приводит к тому, что фактическая характеристика морфологических категорий как бы соскальзывает от предполагаемого описания «от значения» к описанию «от формы» и выясняемый таким путем реальный семантико-грамматический диапазон морфологических форм, «записанных» за данной категорией, компенсирует условную редуцию в исходных дефинициях категорий, хотя, в свою очередь, может делать условным общее название категории, ориентированное на ее семантическую однородность.

Конечно, сцепления данных морфологических форм с тем или иным грамматическим значением подлежат дифференциации. Дифференциация упомянутых сцеплений может быть проведена также по критерию их проницаемости/непроницаемости для влияний лексики, объединенной в данный частеречный класс, но с различной эмпирической семантикой. Если такая проницаемость существует и лексическая семантика слов обуславливает то или иное грамматическое значение какой-то морфологической формы, то первичность/вторичность ее содержательных функций должна расцениваться как охват определенной формой с данным значением больших или меньших групп лексики в пределах грамматического класса. С этих позиций «сопротивление» лексики содержательной стороне морфологических категорий и их разрядов возможно переосмыслить как проявление своего рода динамизма в связываемости морфологической формы и грамматического значения, когда их комбинаторика опосредуется лексическими влияниями.

Такой подход целесообразен, например, при толковании морфологической категории числа существительных. В данном случае понятие множества базируется на концептуальном сходстве считаемых объектов, в отвлечении от их потенциальных качественных различий, которые по мере потребности могут дополнительно вводиться в речевую коммуникацию качественными атрибутами: *(alte und junge) Frauen*, *(russische und deutsche Bücher*, *(gold and silver) rings*, *(красные и зеленые / сладкие и кислые) яблоки* и т.д. Так, для вещественных имен выражаемое ими множество строится как раз с актуализацией качественных различий между их членами: *Weine, Honige, vines, вина, масл, крупы (различные сорта крупы) и т.д.*

Качественная неоднородность членов множества эксплицируется и в формах множественного числа целого ряда абстрактных имен: *(verschiedene) Lieben*, *(zwei) Einsamkeiten (eine gute und eine böse)*, *(many) joys (многие) радости жизни. У существительных die Nebel, die Lüfte, die Schmerzen, rages (fits of rage), морозы, холода, пески, боли* и других. Форма множественного числа передает количественное отношение величины и градуальное значение

интенсивности или темпорально-аспектуальной/локальной экстенсивности. В упомянутых случаях лексическая семантика имен, условно говоря, приспособливает морфологический экспонент для выражения тех количественных отношений, которые могут распространяться на эти имена. Здесь, соответственно, нет «сопротивлений» лексики грамматике и их «преодоления».

К сказанному можно прибавить следующее. Формы множественного числа недискретных существительных традиционно относят на периферию категории числа, мотивируя это малым кругом имен, которые в данных формах выступают. Однако очевидно, что при появлении речевого требования в передаче соответствующих количественных значений круг таких имен может расширяться, принципиальных ограничений для этого нет. Применение «необычных» форм множественного числа от разнообразных недискретных существительных в художественной литературе, фиксируемое стилистами, есть по сути дела лишь дальнейшее развитие потенциалов, наличествующих в системе языка; сходные факты могут иметь место в профессиональных «подъязыках», если они вызываются информационной необходимостью.

Форма морфологической категории числа существительных – не единственный пример влияния лексической семантики на грамматическое содержание морфологической формы, результирующее из их комбинаторики.

Проницаемы для лексических воздействий глаголов (предикатов) формы императива; среди его значений может быть выделено значение пожелания говорящего, выполнение которого не зависит от воли адресата (*Sei glücklich! sterbe nicht!, Будь счастлив!. Не умирай!*), что актуально с точки зрения коммуникативной интеракции. Для немецкого языка конкретные темпоральные значения отдельных временных форм глагола ставятся в вероятностную связь с его предельностью/непредельностью – с семами, входящими в семантическую структуру глагольных лексем (обозначение через форму презенса настоящего/будущего, через форму перфекта – результативного/нерезультативного действия в прошлом).

Заключение

Все сказанное выше о соотношении «лексическое значение – морфологическая форма – грамматическое значение» еще раз подтверждает тезис о двунаправленной асимметрии соотношений между формами, традиционно закрепленными за определенными морфологическими категориями (их разрядами) и передаваемыми ими грамматическими значениями, об асимметрии, сложившейся в результате длительных и непрямолинейных исторических процессов, во многом уже затемненных, но несомненно опосредованных и лексико-семантическими факторами.

Задача, разумеется, состоит не в том, чтобы отбросить номенклатуру прочно вошедших в лингвистическую традицию морфологических категорий, а в том, чтобы внести в их толкования необходимые коррективы и придать этим употребительным операционным понятиям желательную действенность и надежность. Некоторые усилия в этом отношении уже предпринимаются в последнее время. Так, ставится вопрос о пересмотре внутреннего членения некоторых морфологических категорий, например категории наклонения, не только в русском, но и в немецком и французском языках с целью достичь более последовательной оппозиции разрядов. Предлагается также изменить название отдельных морфологических категорий, чтобы привести их в соответствие с действительным содержательным диапазоном их форм, например именовать соответствующую глагольную категорию в немецком языке аспектуальной-темпоральной. В процессе подобных обсуждений найдет, очевидно, свое окончательное решение и вопрос о «сопротивлении» лексики морфологии.

Соотношение синтаксиса и лексики иное, чем морфологии и лексики. Это отмечалось, в частности, и В.Н. Ярцевой. Ее взгляды на проблему «синтаксис – лексика» в части, которая касается синтаксических моделей словосочетаний и предложений, весьма показательны для анализа того, как происходит в лингвистике становление определенных подходов к их толкованию. Придерживаясь основной линии своих рассуждений – об унифицирующем и нивелирующем характере грамматики, В.Н. Ярцева полагает, что, в отличие от морфологических моделей, «сама по себе синтаксическая модель всегда выступает как всеобщая и 100% охватывающая лексический материал. Невозможность употребления какой-либо конкретной лексемы в данном синтаксическом сочетании объясняется не свойствами синтаксической модели как таковой, а несоединимостью лексических значений сочетаемых слов» [Ярцева, 1978, 25].

В.Н. Ярцева также считает, что число подобных случаев минимально (в ее статье о «сопротивлении» лексики грамматике имеется лишь ссылка на немецкий «безличный» пассив, используемый только с применением глаголов, обозначающих действия человека). Но, принимая, очевидно, в расчет, что грамматическое содержание формы не только в морфологии, но и в синтаксисе находится в зависимости от лексико-семантических факторов, она признает и другой подход к вычленению синтаксических моделей: допускается «точка отсчета» в виде лексико-семантической маркированности одного из членов модели, который задает семантический тип другого, связанного с ним, компонента и, следовательно, выражение последнего в границах соответствующего, хотя и широкообъемного субкласса лексем. Пример В.Н. Ярцевой – немецкие предложения с *man*, предопределяющим выбор предиката антропонимического ряда [там же, 36].

В чем-то родственной этому способ моделирования разворачивается при завоевавшей многочисленных сторонников вербоцентрической трактовке предложений, когда предикат рассматривается как носитель содержательной валентности, обусловленной его семантическим типом и прогнозирующей количество и семантику его право- и левосторонних дополнителей. Таким образом, взаимосопряженность грамматического и лексического оценивается здесь как исходная база для конституирования моделей, а семантическое согласование между их компонентами не относится более только к лексемному уровню, но предстает как комплексное грамматико-лексическое явление.

Новое в исследованиях данной области заключается также в том, что правила функционально-содержательного согласования между предикатом и субъектом, предикатом и дополнениями, между семантическим типом слова и его синтаксической позицией не считаются жесткими, т.е. учитываются потенции нарушения этих правил в речи и возможности косвенных номинаций, метафорических и свернутых, многие из которых превращаются в узус.

Заключение

В итоге всего этого понятие «сопротивления» лексики синтаксису имеет в большой мере условный характер. По-видимому, наиболее уместно его применение, во-первых, для описания конструкций, у которых исторически сложились ограничения в лексико-семантическом осуществлении (в немецком языке, в частности, тот же «безличный» пассив, так называемый абсолютный аккузатив, списочно замкнутый круг глаголов, к которым подсоединяется оборот *accusativus cum infinitivo* и т.п.); во-вторых, если выясняются границы переносных и свернутых номинаций, за пределами которых высказывание перестает быть даже ситуативно информативным.

Библиография

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005. 326 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 383 с.
4. Бондарко А.В. Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. 2006. № 1(22). С. 22-23.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000. 832 с.
6. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка. М.: Высшая школа, 1989. 147 с.
7. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. На материале германских языков. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 320 с.
8. Шендельс Е.И. Избранные труды: к 90-летию со дня рождения. М.: МГЛУ, 2006. 352 с.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
10. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1978. С. 5-56.

Analytical way of cognition of the relationship between grammar and vocabulary in the language system

Tumisha T. Abdukadyrova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor,
Department of german language,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
364034, 32 Sheripova str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: tumischa-uni@mail.ru

Amina R. Mochigova

Master Student,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
364034, 32 Sheripova str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: tumischa-uni@mail.ru

Abstract

The article deals with one of the actual problems of the relationship between grammar and vocabulary in the language system. The importance of this article is due to the fact that the differentiation of grammar and vocabulary is not an end in itself. The main task of their differentiation is to clarify the combinatorics of lexical and grammatical in multi-level linguistic units of paradigmatics and syntagmatics, their combined potencies and the regularity of the realization of these potencies, as well as factors blocking combinatorial versions. Thus, it is important to establish how statically and dynamically the grammatical is given in the lexical and how the lexical exists in grammatical patterns. The authors come to the conclusion that the concept of "resistance" of vocabulary to syntax is largely conditional.

For citation

Abdukadyrova T.T., Mochigova A.R. (2022) Analiticheskii put' poznaniya vzaimootnoshenii grammatiki i leksiki v sisteme yazyka [Analytical way of cognition of the relationship between grammar and vocabulary in the language system]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 12 (3A), pp. 345-353. DOI: 10.34670/AR.2022.60.91.084

Keywords

Grammar, vocabulary, intention, differentiation, paradigmatics, syntagmatics, syntax, relativity, frames, lexemes.

References

1. Admoni V.G. (1988) *Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar]. Leningrad: Nauka Publ.
2. Alefirenko N.F. (2005) *Spornye problemy semantiki* [Controversial problems of semantics]. Moscow.
3. Arutyunova N.D. (2003) *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problem* [The sentence and its meaning: logical-semantic problems], 3th ed. Moscow: Editorial URSS Publ.
4. Bondarko A.V. (2006) Kategorizatsiya v sisteme funktsional'noi grammatiki [Categorization in the system of functional grammar]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 1(22), pp. 22-23.
5. Gak V.G. (2000) *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow.
6. Kubryakova E.S. (2008) *Osnovy morfologicheskogo analiza. Na materiale germanskikh yazykov* [Fundamentals of morphological analysis. On the material of the Germanic languages], 2nd ed. Moscow: LKI Publ.
7. Shcherba L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka Publ.
8. Shendel's E.I. (2006) *Izbrannye trudy: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Selected works: to the 90th anniversary of his birth]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
9. Yartseva V.N. (1978) Vzaimootnoshenie grammatiki i leksiki v sisteme yazyka [The Relationship between Grammar and Vocabulary in the Language System]. *Issledovaniya po obshchei teorii grammatiki* [Studies in the General Theory of Grammar]. Moscow: Nauka Publ., pp. 5-56.
10. Zinder L.R., Stroeva T.V. (1989) *Posobie po teoreticheskoi grammatike i leksikologii nemetskogo yazyka* [A guide to theoretical grammar and lexicology of the German language]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.